

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

~~~~~  
1870 г.  
~~~~~

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, у Владимірской, домъ № 15, кв. № 3.

1870.

рачьевскимъ лѣсомъ, засѣками въ ономъ подерѣвленный, со стоящій внизъ по Днѣстру, въ виду крѣпости Хотина, въ которомъ вся армія отъ 2 іюня до ноября мѣсяца постоянно имѣла свое положеніе, въ коемъ 29 августа сильно были турками атакованы; но непріятель былъ разбитъ и разсѣянъ, стремительно перебрался за Днѣстръ, расположился лагеремъ подъ своею крѣпостію, навелъ на Днѣстръ мостъ, укрѣпивъ оный сильнѣмъ теть-де-понтонъ, дабы безпрепятственно, подъ пушвами крѣпости, переходить рѣку и тревожить російскую армію.

На мѣсто князя Репнина послала императрица въ Варшаву генерала Александра Ильича Бибикова, которому такая же дана власть дѣйствовать въ Польшѣ, какая дана была предмѣстнику его князю Репнину.

Язвѣй бунтъ, постыдное происшествіе 2 гренадерскаго полка въ Башкиріи случившееся и странный поступокъ генераль-маіора Кара, о чемъ упомянуто будетъ ниже, заставили императрицу вызвать изъ Польши генерала Бибикова и послать въ Казань, воему и дана была полная власть надъ бунтующимъ низовымъ краемъ и войсками тамъ находящимися дѣйствовать по его благоусмотренію; вскорѣ потомъ отправленъ къ нему въ команду генераль-поручикъ князь Петръ Михайловичъ Голицынъ. Дежурнымъ генераломъ находился при Александрѣ Ильичѣ—генераль-маіоръ князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Щербатовъ, а правителемъ канцеляріи полковникъ Петръ Ивановичъ Турчаниновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. С. Рунтъ.

14-ое ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА ВЪ ПАТРИОТИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТѢ.

Когда вспыхнуло возмущеніе 14 декабря 1825 года, мнѣ было пятнадцать лѣтъ; воспитывалась я тогда въ С.-Петербургскомъ Патриотическомъ Институтѣ.

При доходящемъ до насъ громѣ орудій, мы, институтки, страшно перепугались. Пальба продолжалась, а между тѣмъ начальница института г-жа Виссенгаузенъ стала говорить намъ: «это Господь Богъ наказываетъ васъ, дѣвцы, за ваши грѣхи;

* „РУССКАЯ СТАРИНА“, АВГУСТЪ, 1870. Т. II.

самый главный и самый тяжкій грѣхъ вашъ тотъ, что вы рѣдко говорите по французски и, точно вухарки, болтаете все по русски!»

Въ страшномъ перепугѣ, мы вполне сознали весь ужасъ нашего грѣхопаденія и на колѣняхъ, предъ иконами, съ горькими слезами раскаянія, тогда же покаялись начальницѣ института вовсе не употреблять въ разговорахъ русскаго языка. Наши зачатія были какъ бы услышаны: пальба внезапно стихла. Мы всѣ успокоились — и долго, послѣ того, въ спальняхъ и залахъ Патріотическаго Института не слышалось русскаго языка.

С. А. Пеллн.

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА.

Изъ записокъ генералъ-лейтенанта В. И. Фелькнера.

Утромъ, 27 ноября 1825 года, состоя на службѣ прапорщикомъ лейбъ-гвардіи сапернаго батальона, вступилъ я въ караулъ у шлиссельбургской заставы. Два дня уже носились въ Петербургѣ тревожные слухи о тяжкой болѣзни, постигшей императора Алексѣя I, въ Таганрогѣ, и всѣ жители столицы, горячо любившіе своего монарха, сердечно скорбѣли и усердно молились о сохраненіи драгоценныхъ дней его. Въ 11 часовъ того же дня было отслужено, по этому случаю, молебствіе, въ Александро-невской лаврѣ, въ присутствіи государственныхъ сановниковъ и чиновъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Въ 6 часовъ пополудни, старшій караульный унтеръ-офицеръ донесъ мнѣ, что отправленный въ батальонную канцелярію, за паролемъ, унтеръ-офицеръ принесъ извѣстіе о кончинѣ государя, въ Таганрогѣ, и объявилъ, что офицеры и нижніе чины батальона оставшіеся отъ караула уже присягнули на казарменномъ дворѣ императору Константину Павловичу. Извѣстіе это глубоко потрясло и опечалило меня; съ юношескимъ пыломъ былъ я преданъ покойному государю, стяжавшему себѣ общую любовь своихъ подданныхъ. Погруженный въ грустныя думы, былъ я вскорости пробужденъ въ дѣйствительности звономъ караульнаго колокола и, выбѣжавъ съ карауломъ на платформу, передъ гауптвахтой увидѣлъ подѣхавшаго къ ней командира лейбъ-гвардіи сапернаго батальона флигель-адъютанта полковника Геруа, въ сопровожденіи батальонаго адъютанта, подпо-

ручѣа Кривцова и батальоннаго священника съ крестомъ. Объявивъ о кончинѣ императора, полковникъ приказалъ мнѣ выстроить людей моего караула въ солдатской комнатѣ, для приведенія ихъ и меня къ присягѣ императору Константину Павловичу. По исполненіи этого, онъ уѣхалъ съ своими спутниками, и я опять предался томившимъ меня печальнымъ думамъ.

Въ продолженіи двухъ недѣль послѣ того, противурѣчащія слухи о намѣреніи новаго императора отказаться отъ престола, въ пользу брата своего великаго князя Николая Павловича, и невѣдѣнность волновали жителей столицы. Это было тяжелое время; уныніе и печаль были общія; безсознательное предчувствіе томило петербуржцевъ, предвѣщая имъ важныя событія въ ближайшемъ будущемъ.

Предчувствія эти дѣйствительно вскорѣ сбылись.... Революціонная пропаганда тайно, но быстро распространявшаяся по Россіи, въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I, рѣшилась воспользоваться этимъ смутнымъ и тревожнымъ временемъ для приведенія въ исполненіе своихъ замысловъ.

Наступилъ памятный въ исторіи Россіи день 14 декабря, внесшій въ нее прискорбную страницу, обогрившій кровію подножіе памятника великаго основателя Петербурга и приведшій въ ужасъ его мирныхъ и столь преданныхъ своимъ государямъ жителей.

Наканунѣ этого рокового дня, мнѣ пришлось опять стоять въ караулѣ у шпассельбургской заставы. Возвратясь, на другой день послѣ смѣны съ караула, въ батальонныя казармы, я, въ большому удивленію моему, узналъ, что всѣ штабъ и оберъ-офицеры и нижніе чины лейбъ-гвардіи сапернаго батальона, не задолго передъ моимъ приходомъ, были приведены къ присягѣ Николаю Павловичу, на батальонномъ дворѣ, въ присутствіи командира батальона, который, бывъ, въ 5 часовъ утра, потребованъ въ штабъ гвардейскаго корпуса, одновременно съ другими начальниками гвардейскихъ частей, присягнувъ новому государю въ малой дворцовой церкви зимняго дворца и привезъ въ батальонъ манифестъ о вступленіи на престолъ императора Николая Павловича, съ приложенными къ нему письмами объ отреченіи отъ престола августѣйшаго его брата, которые

полковникъ Геруа и прочелъ передъ приведеніемъ батальона къ присягѣ.

Мнѣ приказано было не распускать своего караула; когда же возвратились въ казармы и остальные, смѣнившіеся съ городскихъ карауловъ офицеры и нижніе чины батальона, то всѣ мы были, одновременно, приведены къ присягѣ въ присутствіи нашего батальоннаго командира. Первое чувство удивленія при этой внезапной переимѣнѣ въ престолонаслѣдіи смѣнилось чувствомъ радости, когда мы узнали, что великій князь Николай Павловичъ, генераль-инспекторъ по инженерной части, шефъ лейбъ-гвардіи сапернаго батальона, котораго всѣ чины, отъ командира до послѣдняго солдата, искренно любили и были безпредѣльно преданы, сдѣлался нашимъ императоромъ. Онъ также сердечно любилъ своихъ саперовъ, неутомимо занимался ихъ фронтнымъ и инженернымъ образованіемъ, какъ отецъ-командиръ входилъ въ ихъ нужды и гордился ихъ успѣхами, какъ своимъ созданіемъ.

Эти радостныя чувства были однако-жъ омрачены нѣкоторыми зловѣщими признаками, которые свидѣтельствовали, что въ городѣ и въ средѣ другихъ гвардейскихъ частей происходитъ какое-то волненіе, производимое тайными поджигателями и грозящее разразиться важными беспорядками. Когда командиръ 1-й саперной роты, штабсъ-капитанъ Квашнинъ-Самаринъ, посланный для принесенія изъ аничковскаго дворца батальоннаго знамени для присяги, подходилъ съ 1-мъ взводомъ къ казармамъ, въ послѣдній вѣхали ѣхавшіе очень быстро, въ саняхъ, два офицера гвардейской конной-артиллеріи, привели его тѣмъ въ беспорядокъ, кричали саперамъ: «братцы, не присягайте! васъ обманываютъ!» и затѣмъ скрылись изъ виду. Квашнинъ-Самаринъ, выстроивъ смятый вторженіемъ артиллерійскихъ офицеровъ взводъ, напомнилъ саперамъ о ихъ долгѣ и привелъ ихъ въ порядокъ на батальонный дворъ, гдѣ они, вмѣстѣ съ прочими товарищами своими, принесли присягу, и затѣмъ отнесли знамя обратно въ аничковскій дворецъ. Послѣ принесенія присяги, нижніе чины были распущены, а офицеры, собранные въ квартирѣ батальоннаго командира, для подписанія присяжнаго листа, получили приказаніе прибыть въ часу пополудни, въ зимній дворецъ, къ торжественному молебствію. Въ это время

прошелъ слухъ, что гвардейскіе конно-артиллеристы, казармы которыхъ были смежны съ саперными, отказываются присягать императору Николаю Павловичу. Полковникъ Геруа, въ предположеніи, что батальонъ можетъ быть потребованъ, если пройдутъ въ городъ какіе-либо безпорядки, приказалъ всѣмъ ротнымъ командирамъ не ѣздить въ зимній дворецъ, съ прочими офицерами, а оставаться въ казармахъ при своихъ ротахъ; самъ же изъ дворца отправился къ начальнику штаба гвардейскаго корпуса, генералу Нейдгарту, для полученія отъ него приказаній относительно лейбъ-гвардіи сапернаго батальона, въ случаѣ открытаго возмущенія въ столицѣ. Начальникъ штаба спросилъ полковника: «отвѣчаетъ ли онъ за свой батальонъ» и на отвѣтъ: «отвѣчаю, какъ за самого себя», приказалъ ему привести батальонъ къ зимнему дворцу.

Прибывъ къ назначенному часу во дворецъ, я засталъ уже тамъ большой съѣздъ государственныхъ сановниковъ, придворныхъ чиновъ, придворныхъ и городскихъ дамъ, генералитета, гвардіи и арміи штабъ и оберъ-офицеровъ, но тотчасъ-же замѣтилъ, что между присутствовавшими въ залахъ дворца господствовало какое-то безпокойство. Составлялись группы, въ которыхъ шопотомъ и подъ секретомъ передавались тревожныя извѣстія о безпорядкахъ въ городѣ, волненіи въ народѣ, и о томъ, что нѣсколько гвардейскихъ полковъ отказываются принести присягу на вѣрность императору Николаю Павловичу, по случаю распространеннаго въ городѣ злоумышленниками слуха, что императоръ Константинъ Павловичъ, которому всѣ жители столицы присягнули 7 декабря, не намѣренъ отказываться отъ престола и на дняхъ придетъ въ Петербургъ, изъ своего мѣстопробыванія, г. Варшавы. Рассказывали еще, что въ народѣ распространена молва, что императоръ Константинъ Павловичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ, отправившіяся къ брату своему въ Варшаву, арестованы и уже привезены въ Петропавловскую крѣпость.

Скоро стало во дворцѣ положительно извѣстно, что гвардейскіе конно-артиллеристы, послѣ непродолжительнаго колебанія, возбужденнаго подстрекательствомъ нѣкоторыхъ изъ своихъ офицеровъ, присягнули императору Николаю Павловичу, взявъ представленіемъ своихъ батареинныхъ командировъ и совершенно

убѣдились, что ихъ обманывали, когда, послѣ принесенной ими присяги, прибылъ къ нимъ въ казармы генераль-фельдцейхмейстеръ всей артиллеріи великій князь Михаилъ Павловичъ, утормъ того же дня только-что возвратившійся изъ Варшавы и объяснившій имъ дѣйствительное состояніе дѣлъ, вызванное отреченіемъ отъ престола Константина Павловича. Къ несчастью, дѣло заговорщиковъ не могло быть предупреждено и имѣло гибельныя послѣдствія въ лейбъ-гвардіи московскомъ полку. О нихъ привезъ государю донесеніе генераль-адъютантъ Нейдгардтъ, и оно быстро распространилось въ дворцовыхъ группахъ. Когда полкъ этотъ выстраивался на полковомъ дворѣ, для принесенія присяги, два офицера (штабсъ-капитаны: князь Щепинъ-Ростовскій и Михайло Бестужевъ) уговорили солдатъ своихъ ротъ, къ которымъ присоединились потомъ нижніе чины и другихъ 1-го батальона, не присягать, завѣряя, что ихъ обманываютъ старшіе начальники. Князь Щепинъ-Ростовскій, послѣ этого, тяжело ранилъ сабельными ударами въ голову, сперва полкового командира генераль-майора барона Фредерикса, старавшагося вразумить увлекаемыхъ заговорщиками солдатъ, а затѣмъ также бригаднаго командира генераль-майора Шеншина и батальоннаго командира полковника Хвощинскаго. Этотъ поступокъ и дальнѣйшіе уговоры мятежныхъ офицеровъ и ихъ сообщниковъ, восторжествовали окончательно и увлекли москвѣвъ къ явному возмущенію. Разобравъ боевые патроны, зарядивъ ружья и силою увлекши съ собою принесенныя для присяги знамена, большая часть солдатъ 1-го батальона (2-й еще не смѣнился съ городскихъ карауловъ, а 3-й находился въ загородномъ расположеніи), предводимая вождями мятежа, съ криками «ура!» побѣжала по направленію къ сенатской площади, и прибывъ туда, была остановлена у памятника Петра Великаго, куда, въ то же время, стали стекаться со всѣхъ сторонъ значительныя толпы народа, съ криками: «ура, Константинъ!» Въ народѣ почти никто не зналъ еще о вступленіи на престолъ императора Николая Павловича, поэтому толпы не полагали, что онѣ, безъ вѣдома для себя, поддерживаютъ замыслы заговорщиковъ.

Получивъ донесеніе о происшедшихъ событіяхъ, принявшихъ видъ открытаго мятежа, императоръ немедленно при-

нялъ мѣры къ его подавленію. Оберъ-квартирмейстеръ гвардейскаго корпуса, флигель-адъютантъ полковникъ князь Голицынъ былъ посланъ имъ въ казармы лейбъ-гвардіи сапернаго батальона, съ приказаніемъ послѣднему немедленно прибыть для охраненія зимняго дворца, а состоявшему при немъ генераль-майору Стрекалову государь приказалъ привести ко дворцу 1-й батальонъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка. Объ этомъ объявилъ мнѣ, въ Бѣлой залѣ, начальникъ инженеровъ гвардейскаго корпуса генераль-майоръ Сазоновъ, и приказалъ тотчасъ же отправиться на встрѣчу батальона. Побѣжавъ по Большой Миліонной улицѣ, я завидѣлъ его бѣгущимъ въ шинеляхъ и фуражкахъ, и держа ружья на перевѣсь, у мраморнаго дворца. Его велъ капитанъ Витовтовъ *), оставшійся въ казармахъ за старшаго, послѣ отъѣзда батальоннаго командира въ зимній дворецъ. У экзерциргауза встрѣтилъ батальонъ полковникъ Геруа **), знавшій о посылкѣ князя Голицына, принялъ надъ нимъ начальство и ввелъ въ дворцовый дворъ черезъ главныя ворота, впереди которыхъ стоялъ взводъ 6-й роты лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, занимавшей въ этотъ день караулы главной гауптвахты, подъ командою штабсъ-капитана Прибыткова. Находившійся при взводѣ с.-петербургскій комендантъ, генераль-лейтенантъ Башуцкій, по вступленіи лейбъ-гвардіи сапернаго батальона на дворцовый дворъ, приказалъ построить его тамъ въ густую взводную колонну справа, лицомъ къ главнымъ воротамъ.

Взводъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка былъ поставленъ впереди воротъ дворца самимъ императоромъ. Поручикъ Гречъ ***), оставшійся при другомъ взводѣ караула, на главной гауптвахтѣ, рассказалъ мнѣ потомъ, что государь, по полученіи имъ извѣстія о безпорядкахъ, происшедшихъ въ казармахъ лейбъ-гвардіи московскаго полка, сошелъ внизъ по внутренней лѣстницѣ,

*) Нынѣ генераль-адъютантъ, инженеръ-генераль. 13 декабря 1825 г. онъ имѣлъ несчастье лишиться нѣжно имъ любимой жены, тѣло которой еще не было положено въ гробъ, когда князь Голицынъ передалъ ему приказаніе вести батальонъ во дворецъ. В. Ф.

***) Умеръ въ 1852 году, въ чинѣ инженеръ-генерала и въ званіи генераль-адъютанта и члена военнаго совѣта. В. Ф.

****) Умеръ въ 1850 году, въ чинѣ генераль-майора и въ званіи 2-го с.-петербургскаго коменданта. В. Ф.

и когда караулъ главной гауптвахты вышелъ въ ружье и, первый изъ всѣхъ войскъ гвардіи, отдалъ честь новому императору съ барабаннымъ боемъ и преклоненіемъ знамени, государь, поздоровавшись съ людьми, спросилъ ихъ: «присягнули ли они и готовы ли на дѣлѣ доказать ему свою вѣрность?» Финляндцы радостно отвѣчали, что готовы; послѣ чего государь приказалъ всему караулу зарядить ружья, лично повелѣ первый его взводъ къ главнымъ дворцовымъ воротамъ, выходящимъ на площадь, поставилъ его впереди ихъ и приказалъ с.-петербургскому коменданту находиться при взводѣ неотлучно.

Распорядившись лично защитою дворца, императоръ, безъ всякой свиты, въ одномъ мундирѣ и лентѣ, вышелъ на дворцовую площадь, гдѣ былъ мгновенно окруженъ стекавшимся отсюда народомъ, взволнованнымъ смутными городскими слухами о возмущеніи войскъ, будто бы отказывающихся присягнуть императору Николаю Павловичу, желая пребыть вѣрными Константину Павловичу. Высочайшій манифестъ о вступленіи на престолъ, напечатанный ночью, былъ прочитанъ въ церквахъ довольно поздно, послѣ обѣдни, передъ молебствіемъ и только весьма мало экземпляровъ его было роздано въ народѣ, а потому большинству населенія было совершенно неизвѣстно отреченіе отъ престола Константина Павловича. Государь, узнавъ объ этомъ отъ окружавшихъ его лицъ, взялъ у одного изъ нихъ печатный экземпляръ манифеста и сталъ самъ громкимъ голосомъ читать его народу, подробно объясняя ему при томъ его содержаніе. Многочисленная толпа, по окончаніи чтенія манифеста, огласивъ воздухъ радостными криками «ура!», стала бросать вверхъ шапки. Въ это самое время подошелъ къ государю начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, генераль-майоръ Нейдгардтъ, съ донесеніемъ, что нѣсколько ротъ лейбъ-гвардіи московскаго полка, отказавшихся отъ принесенія присяги, заняли сенатскую площадь. Государь, съ спокойствіемъ духа, въ краткихъ словахъ, передалъ окружавшему его народу это извѣстіе, возбуждавшее въ народѣ всеобщія выраженія преданности къ царю своему. Ближайшіе къ нему изъ толпы падали на колѣни, цѣловали руки и ноги его, и вся масса народа кричала, что не выдастъ его и разорветъ на части всѣхъ тѣхъ, кто осмѣлится возстать противъ него. Государь, тронутый этими изъявленіями

преданности къ нему народа, громкимъ и внятнымъ голосомъ поблагодарилъ его за изъявленія любви; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, запретилъ, словомъ или дѣломъ, вмѣшиваться въ распоряженія правительственныхъ властей, которымъ однимъ должно быть предоставлено унять волненія и привести къ поворотности бунтовщиковъ. Энергическое воззваніе свое къ народу государь заключилъ приказаніемъ ему разойтись по домамъ и очистить мѣсто, подходившему въ эту минуту изъ Большой Милліонной улицы, первому батальону лейбъ-гвардіи преображенскаго полка.

Батальонъ былъ поставленъ тыломъ къ комендантскому подъѣзду и, по отданіи чести, криками «ура!» и «ради стараться», отвѣчалъ на привѣтствіе императора. Государь, напомнивъ преображенцамъ о святости принесенной ими, въ этотъ день, утромъ, присяги, спросилъ ихъ: «готовы ли они идти за нимъ куда онъ прикажетъ?», послѣ чего приказалъ батальону построиться въ колонну къ атакамъ, и лично повелъ его, идя въ головѣ пѣшкомъ, на адмиралтейскую площадь, гдѣ остановилъ его противъ угла дома главнаго штаба.

Все это происходило незадолго до прибытія въ зимній дворецъ лейбъ-гвардіи сапернаго батальона. Едва успѣлъ онъ выстроиться на большомъ дворѣ, какъ въ главныхъ дворцовыхъ воротахъ послышался шумъ и громкій говоръ, отъ котораго доходили до саперовъ только слова: «раздайтесь! пропустите!». Вслѣдъ затѣмъ, съ криками «ура!» показалась у входа во дворецъ нестройная толпа солдатъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, въ шинеляхъ и фуражкахъ, державшихъ ружья на перевѣсь. Впереди ихъ бѣжалъ офицеръ того же полка (впослѣдствіи стало извѣстно, что то былъ адъютантъ перваго батальона поручикъ Пановъ), махавшій обнаженной шпагою. Изумленный этимъ внезапнымъ появленіемъ лейбъ-гренадеръ, лейбъ-гвардіи саперный батальонъ только что взялъ ружья на плечо, какъ послышалась команда: «стой», и поручикъ Пановъ остановился предъ нимъ въ недоумѣніи и нерѣшимости. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, махнувъ опять шпагою, онъ закричалъ: «ребята! да это не наши, правое плечо впередъ, за мной, маршъ». Лейбъ-гренадеры выбѣжали, по этой командѣ, за своимъ предводителемъ изъ зимняго дворца, оставивъ саперовъ въ раздумьи на счетъ какъ мгновеннаго ихъ загадочнаго появленія, такъ и исчезновенія. Первое

невозможно было объяснить добрыми намерениями и саперы поняли только, что ихъ, хотя и пассивное, присутствіе во дворѣ зимняго дворца спасло царственныхъ и другія въ немъ находившіяся лица отъ величайшей опасности, какъ это только впоследствии объяснилось.

Вслѣдъ за уходомъ лейбъ-гренадеръ, 1-й взводъ 1-й саперной роты былъ поставленъ на собственномъ подъѣздѣ его величества, 2-й взводъ 2-й саперной роты на посольскомъ, а 1-я минерная рота (капитана Витовтова) у главныхъ воротъ.

Лейбъ-гренадеры, выбѣжавъ изъ зимняго дворца, направились къ сенатской площади, занятой московцами. Надлежало ожидать еще другихъ прискорбныхъ происшествій. Всѣ бывшіе во дворцѣ съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдили затѣмъ, что происходило на адмиралтейской и сенатской площадяхъ и обращались съ распросами къ лицамъ военнаго и гражданскаго званія, оттуда приходившимъ. Вскорѣ узнали мы, что когда государь остановилъ у зданія главнаго штаба 1-й батальонъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, тогда со стороны сенатской площади слышались ружейные выстрѣлы. Государь, сѣвъ на подведеннаго ему, въ эту минуту, коня, приказалъ батальону зарядить ружья и, оставивъ при себѣ одну только роту его величества, остальные три фузелерныя съ полковымъ командиромъ генералъ-майоромъ Исленьевымъ *) послалъ на сенатскую площадь, приказавъ послѣднему поставить ихъ у адмиралтейскаго бульвара, лицомъ въ зданію сената. Затѣмъ государь, сопровождаемый ротою его величества, двинулся также къ сенатской площади, занятой возмущившимися ротами лейбъ-гвардіи московскаго полка, отъ которыхъ была разсыпана впереди застрѣльщицья цѣпь. На пути слѣдованія, государь послалъ адъютанта своего, полковника Перовскаго **) за лейбъ-гвардіи коннымъ полкомъ.

Причина раздавшихся со стороны сенатской площади выстрѣловъ была слѣдующая: с.-петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ, испросилъ у государя, когда онъ подходилъ къ 1-му батальону лейбъ-гвардіи преображенскаго полка,

*) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и генералъ отъ инфантеріи.

В. Ф.

**) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и оренбургскій генералъ-губернаторъ.

В. Ф.

дозволеніе отправиться къ мятежнымъ солдатамъ, дабы вывести ихъ изъ заблужденія, въ которое ввели ихъ, ихъ же ближайшіе начальники. Получивъ на это разрѣшеніе, графъ сѣлъ у конно-гвардейскихъ казармъ на поданную ему лошадь и, въ сопровожденіи одного только адъютанта своего, поручика Башуцкаго, сына коменданта, слѣдовавшаго за нимъ пѣшкомъ, проѣхалъ черезъ густую толпу народа, окружавшую московцевъ, сталъ уговаривать ихъ возвратиться къ своему долгу, объясняя, какъ недостойно ихъ обманули. Солдаты почтительно слушали слова своего прежняго любимаго начальника, держа ружья подъ прикладъ и казались весьма смущенными. Въ это время раздался выстрѣлъ. Лошадь графа рванулась впередъ и онъ упалъ съ нея на руки бросившагося поддержать его Башуцкаго*), который, съ помощью

*) А. П. Башуцкій былъ столь обязателенъ, что обѣщалъ сообщить намъ записку о послѣднемъ днѣ жизни его бывшаго начальника, гр. М. А. Милорадовича. Въ ожиданіи, пока досугъ позволитъ А. П. выполнить его обѣщаніе, не лишнимъ считаемъ привести здѣсь его рассказъ, записанный съ его словъ:

«По утру 14 декабря 1825 года, графъ Милорадовичъ былъ на завтракѣ у танцовщицы Телешевой, которую онъ любилъ платонически и этой платонической привязанности трудно повѣрить, ежели кто не знавалъ характера его, исполненнаго странностей.

«Во время завтрака онъ узнаетъ, что московскій полкъ отказался присягать императору Николаю; онъ скачетъ на сенатскую площадь и начинаетъ увѣщавать бунтовщиковъ, которые его отталкиваютъ и даже одинъ изъ нихъ взял его за воротникъ. Послѣ этого графъ спѣшитъ къ императору, котораго застаетъ на дворцовой площади, окруженнаго народомъ; докладываетъ, что надобно употребить мѣры строгости, присовокупивъ: «*Vousz, sire, dans quel état ils m'ont mis*». На это государь ему сказалъ: «что онъ, какъ генералъ-губернаторъ, долженъ ему отвѣчать за спокойствіе города и приказываетъ ему взять конно-гвардейскій полкъ и идти съ нимъ противъ московцевъ и лейб-гренадеръ». Графъ Милорадовичъ садится на извозчика и спѣшитъ въ конно-гвардейскія казармы, гдѣ приказываетъ сѣдлатъ лошадей.

«Проходитъ $\frac{1}{4}$ часа, полчаса, наконецъ болѣе, но красныя не выѣзжаютъ; промежутокъ это, какъ узнали послѣ, случилось отъ того, что офицеръ конно-гвардіи, князь А. И. Одоевскій, участвовавшій въ разговорѣ, бѣжалъ по конюшнямъ, говоря солдатамъ: «это ложная тревога и что сѣдлатъ не должно».

«Графъ Милорадовичъ терпѣніе, требуетъ лошадь, чтобы ѣхать къ бунтовщикамъ и говорить окружающимъ его: «впрочемъ, я очень радъ, что конно-гвардія не погоропидалась выѣзжать; я безъ нихъ одинъ уговорю московскій полкъ, тутъ должны быть одни повѣсы, да и не надо, чтобы кровь пролилась въ день вступленія на престолъ государя».

«Бунтовщики, увидя его, сѣдлали ему на караулъ и кричали: «ура!» Графъ вынулъ шпагу и, показывая имъ, говорилъ: «что шпага эта подарена ему царевичемъ Константиномъ Павловичемъ въ знакъ дружбы — увѣрялъ ихъ,

нѣсколькихъ человекѣхъ изъ толпы народа, перенесъ тяжело раненаго графа въ конно-гвардейскія казармы. Впослѣдствіи оказалось, что онъ былъ раненъ выстрѣломъ, почти въ упоръ, изъ

что цесаревичъ отрেকся отъ престола и ни подъ какимъ видомъ не хочетъ царствовать; неужели, заключилъ онъ, я измѣню моему другу?»

«Убѣжденія его остаются тщетны.

«— Развѣ нѣтъ между вами старыхъ солдатъ, продолжаетъ онъ, которые бы со мной служили и которые бы меня знали?

«Молчаніе.

«— Я вижу, говоритъ онъ, что тутъ одни мальчишки; — приказываетъ и убѣждаетъ ихъ положить оружіе и просить о помилованіи.

«Солдаты колеблются, но нѣкто изъ каре закричалъ: «что это вздоръ, что не надобно вѣрить ему!» и въ это мгновеніе раздался пистолетный выстрѣлъ. Графъ, пронзенный пулею, падаетъ съ лошади на руки Башуцкому и въ происшедшую отъ того суматоху Милорадовичу нанесли еще ударъ штыкомъ. Его хотѣли отнести къ нему въ домъ, но онъ, сказавши, что чувствуетъ, что рана смертельная, велѣлъ чтобы положили его на солдатскую койку въ конно-гвар. казармахъ. Между тѣмъ какъ несли его мимо конно-гвардейскаго поля, который былъ уже выстроенъ, нѣкто изъ генераловъ и офицеровъ не подошелъ къ раненому герою, котораго имя навсегда останется украшеніемъ нашихъ военныхъ лѣтописей; тутъ были нѣкоторые лица, называвшіяся его друзьями и бывшія ежедневно въ домъ его, и тѣ даже не изъявили ни малѣйшаго сочувствія.

«Я довершу описаніе подлостей современниковъ нашихъ, сказавши, что когда, по принесеніи его въ казармы, начали его раздѣвать, то у него украли часы и кольцо, подаренное ему за нѣсколько дней вдовствующей императрицею.

«Въ скоромъ времени съѣхались врачи, и на утѣшенія ихъ графъ отвѣчалъ только, что онъ знаетъ, что ему должно умереть. Когда вырѣзывали изъ его раны пулю *), то онъ, посмотря на нее, сказалъ: «Я увѣренъ былъ, что въ меня выстрѣлилъ не солдатъ, а какой-нибудь шалунъ, потому что эта пуля не ружейная».

«Онъ не испустилъ ни одной жалобы и почти во все время сохранялъ молчаніе; но когда боль усилилась, то онъ закусывалъ себѣ губы и иногда до крови. Государь часто присылалъ навѣдываться о его здоровьи съ извиненіемъ, что самъ не можетъ отойти ни на минуту отъ матери и супруга, происшествіями испуганныхъ. Подъ вечеръ императоръ прислалъ къ нему собственноручное письмо слѣдующаго содержанія. Я видѣлъ подлинникъ его у сестры графа, Стороженковой, и списалъ съ него копію:

«Мой другъ, мой любезный Михайло Андреевичъ, да вознаградитъ тебя Богъ за все, что ты для меня сдѣлалъ. Уповай на Бога, такъ какъ я на него уповаю, онъ не лишитъ меня друга. Если бы я могъ слѣдовать сердцу, я бы при тебѣ уже былъ, но долгъ мой меня здѣсь удерживаетъ. Мнѣ тяжело

*) Пулю вынималъ состоявшій при немъ докторъ, спутникъ во многихъ его походахъ, Василій Михайловичъ Буташевичъ-Петрашевскій (†), отецъ известнаго Михаила Бут.-Петрашевскаго († 1866 г. 7-го декабря). Ред.

пистолета въ бою отставнымъ поручикомъ Каховскимъ, однимъ изъ главнѣйшихъ заговорщиковъ, стоявшимъ въ толпѣ народа, за лошадью графа. Когда его несли въ казармы, послѣдовало еще нѣсколько выстрѣловъ въ толпу народа, его окружавшаго.

Когда государь, слѣдуя впереди роты его величества лейб-гвардіи преображенскаго полка, приблизился къ углу дома князя Лобанова (нынѣ домъ военнаго министерства), къ послѣдному прибылъ на рысяхъ лейб-гвардіи конный полкъ, подъ командою своего командира, генераль-адъютанта графа Орлова *) и былъ построенъ имъ въ эскадронной колоннѣ, лицомъ къ площади. Государь подъѣхалъ къ полку, былъ имъ привѣтствованъ радостными криками «ура!», и приказалъ, выдвинувъ полкъ болѣе впередъ на площадь, остановить его противъ памятника Петра Великаго, у котораго, въ нестройной густой колоннѣ, стояли роты лейб-гвардіи московскаго полка, тыломъ къ зданію сената. Солдаты стояли съ небрежно одѣтою амунициею и растегнутыми шинелями. Изъ среды ихъ раздавались повременамъ громкіе крики и неумолкалъ шумный говоръ, распространявшійся и на густыя массы народа, запружавшаго сенатскую площадь. Изрѣдка раздавались восклицанія: «ура! Константину Павловичу!».

сегодняшній день, но я имѣлъ утѣшеніе ни съ чѣмъ несравненное, ибо видѣлъ въ тебѣ, во всѣхъ, во всемъ народѣ друзей, дѣтей: Да дастъ мнѣ Богъ всещедрыи силы имъ за то воздать, вся жизнь моя на то посвятится. Твой другъ искренній, Николай.»

«Графъ Милорадовичъ самъ хотѣлъ прочесть это письмо, но сколь много ни ставили подлѣ него свѣчей, однакоже силы его того ему сдѣлать не позволили; когда же ему прочли его, то онъ сказалъ, чтобы письмо это положили съ нимъ въ гробъ, но потомъ перемѣнилъ свое намѣреніе и прошепталъ свое завѣщаніе, или лучше сказать, просьбу государю; заключавшуюся въ трехъ статьяхъ:

- 1) Письмо сіе отослать къ роднымъ.
- 2) Крестьянъ его отпустить на волю.
- 3) Друга его, Майкова, не забыть.

«Часовъ въ 9 онъ исповѣдался и приобщался св. Таинъ, а въ полночь начался бредъ, предвѣстникъ кончины. Бореніе со смертію продолжалось часовъ до 3-хъ, и онъ умеръ въ безпамятствѣ, говоря, по своему обыкновенію, то по-русски, то по-французски».

Разсказъ этотъ мы печатаемъ съ имѣющагося у насъ списка; онъ былъ напечатанъ въ 1861 г. въ одномъ мало распространенномъ «Историческомъ Сборникѣ».

Ред.

*) Впослѣдствіи князь и предсѣдатель государственнаго совѣта. В. Ф.

Било три часа. Вторично раздалися изъ толпы мятежныхъ солдатъ выстрѣлы, направленные этотъ разъ противъ командира гвардейскаго корпуса, храбраго, престарѣлаго генерала Воинова, также безуспѣшно пытавшагося вразумить заблужденныхъ москвочевъ, но оставшагося впрочемъ невредимымъ.

Вслѣдъ за симъ было донесено государю, что гвардейскій экипажъ, за которымъ былъ посланъ флигель-адъютантъ Бибиновъ, также возмущился и присоединился къ мятежнымъ ротамъ лейбъ-гвардіи московскаго полка. Матросы, подобно послѣднимъ, увлеченные нѣкоторыми изъ своихъ офицеровъ, еще утромъ того дня, отказывались упорно присягнуть императору Николаю Павловичу, но не оставляли своихъ казармъ, пока не послышались выстрѣлы со стороны сенатской площади. Тогда, увлеченная однимъ изъ своихъ офицеровъ, большая часть экипажа, не слушая увѣщаній своего командира, капитана 1-го ранга Качалова, старавшагося удержать ее, вышла изъ казармъ своихъ и пробѣжавъ Галерную улицу, присоединилась, на сенатской площади, къ ротамъ лейбъ-гвардіи московскаго полка, примкнувъ къ правому ихъ флангу, лицомъ къ исакіевскому собору.

Государь, чтобы отрѣзать отступление мятежникамъ, подкрѣпленнымъ присоединеніемъ къ нимъ гвардейскаго экипажа, послалъ тогда находившуюся при немъ роту его величества лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, подъ командою командира ея капитана Игнатьева *), занять вѣздъ на исакіевскій мостъ. Отправивъ, вслѣдъ затѣмъ, гонцовъ за другими гвардейскими полками, государь, въ сопровожденіи одного лишь генералъ-адъютанта Бенкендорфа, поѣхалъ на сенатскую площадь, для принятія дальнѣйшихъ мѣръ къ подавленію мятежа.

При приближеніи его къ цѣпи застрѣльщиковъ, прикрывавшей толпы мятежниковъ, послѣдовало изъ нея нѣсколько выстрѣловъ. Возвращаясь назадъ, государь нашелъ на адмиралтейской площади, приведенныя туда великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, четыре роты 1-го и 2-го батальоновъ лейбъ-гвардіи московскаго полка, не послѣдовавшихъ за ротами, увлеченными въ мятежъ княземъ Щепинымъ-Ростовскимъ и Ми-

*) Нынѣ генералъ-адъютантъ, членъ государственнаго совѣта и председатель комиссіи прошеній.
В. Ф.

хиломъ Бестужевымъ. Послѣ ухода послѣднихъ, они остались въ казармахъ, но несмотря на всѣ увѣщанія начальника гвардейской пѣхоты, генералъ-лейтенанта Бистрома и корпуснаго командира генералъ отъ кавалеріи Воинова, упорно отказывались присягать, полагая, что ихъ обманываютъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ, узнавъ объ этомъ, прибылъ въ московскія казармы и на полковомъ дворѣ нашелъ эти четыре роты, выстроенными предъ аналоемъ, за которымъ стоялъ полковой священникъ въ облаченіи. Его высочество былъ шефомъ полка и начальникомъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, въ которой состоялъ тогда лейбъ-гвардіи московскій полкъ. Солдаты радостно привѣтствовали своего шефа, котораго они считали арестованнымъ. Великій князь подробно объяснилъ обманутымъ солдатамъ всѣ истинныя обстоятельства воцаренія своего августѣйшаго брата и успѣлъ вывести ихъ изъ заблужденія, въ которое ихъ ввели заговорщики. Чтобы еще болѣе вразумить и успокоить ихъ, великій князь, тутъ же, у аналоя, принесъ самъ вѣрноподаннѣйшую присягу, одновременно съ наличными офицерами и нижними чинами полка. По принесеніи присяги, онъ лично повелъ ихъ, слѣдуя пѣшкомъ, на адмиралтейскую площадь. При встрѣчѣ тамъ ротъ съ государемъ, офицеры бросились къ нему и умоляли его дозволить имъ и всѣмъ нижнимъ чинамъ напасть на мятежниковъ; но государь, въ надеждѣ, что мятежники и безъ пролитія врови могутъ быть приведены къ покорности, на это не соизволилъ; въ знаеъ же довѣрія своего къ искренности чувствъ прибывшихъ ротъ, приказалъ поставить ихъ у угла забора исаіевскаго собора, противъ мятежниковъ. Великій князь затѣмъ еще нѣсколько разъ убѣдительно просилъ августѣйшаго брата своего, дозволить ему съ нѣсколькими изъ старыхъ и пользующихся особеннымъ уваженіемъ товарищей солдатами лейбъ-гвардіи московскаго полка, идти уговорить увлеченныхъ товарищей своихъ, возвратиться къ долгу, но государь сдѣлать этого не дозволилъ.

Въ это время стали подходить къ сенатской площади, одна за другой, слѣдующія части гвардейскаго корпуса: кавалергардскій полкъ, 2-й батальонъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка и первые два батальона лейбъ-гвардіи семеновскаго. Оба послѣдніе были поставлены великимъ княземъ, за недостаткомъ

мѣста, одинъ за другимъ, по лѣвую сторону исакиевскаго собора, прямо противъ мятежнаго гвардейскаго экипажа. 2-й батальонъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, присоединившись къ 3-мъ ротамъ перваго батальона, применилъ къ правому флангу лейбъ-гвардіи коннаго полка, выстроеннаго лицомъ къ зданію сената; кавалергардскій полкъ поставленъ былъ въ резервъ на адмиралтейской площади.

Это постепенное прибываніе къ сенатской площади значительнаго числа гвардейскихъ войскъ, пребывшихъ вѣрными Николаю Павловичу, неповолебало однако-жъ крайнее упорство мятежниковъ. Обманутые офицерами и подстрекаемые другими злоумышленниками, солдаты не поддавались никакимъ увѣщаніямъ и продолжали свое пассивное сопротивленіе. Заговорщики разныхъ званій подговаривали солдатъ и окружающія ихъ толпы народа кричать: «да здравствуетъ императоръ Константинъ Павловичъ»; увѣряютъ, что слышались также иногда возгласы: «да здравствуетъ конституція!»

Наставало время положить конецъ мятежу. Находившійся при государѣ принцъ Евгенийъ Виртембергскій, посовѣтовалъ разогнать бунтовщиковъ кавалерійскою атакою. Государь самъ командовалъ конно-гвардейцамъ броситься въ атаку, и генералъ Орловъ повелъ ихъ, по-дивизионно, противъ мятежниковъ. Нѣсколько послѣдовательныхъ атакъ остались безуспѣшными, по причинѣ гололедицы, покрывавшей площадь; неподкованные на острые шипы, воня конно-гвардейцевъ спотыкались, скользили по обледенѣлой мостовой и падали подъ всадниками, у которыхъ притомъ не были отпущены палаши. Мятежники встрѣчали атаки конно-гвардейцевъ батальнымъ огнемъ и многихъ изъ нихъ переранили, въ томъ числѣ и дивизионнаго командира полковника барона Велліо *). Не успѣвъ врубиться и разогнать толпы бунтовщиковъ, генералъ-адъютантъ Орловъ отвелъ полкъ назадъ, на прежнее его мѣсто. Въ то самое время, какъ конно-гвардейцы производили свои неуспѣшныя атаки, прискакалъ на сенатскую площадь лейбъ-гвардіи конно-піонерный эскадронъ и подъ командою командира своего полковника Засса,

*) Впослѣдствіи генералъ-отъ-кавалеріи и комендантъ г. Царскаго Села. Онъ былъ раненъ въ руку, которую вслѣдъ затѣмъ отнялъ. Умеръ въ 1867 году.

атаковалъ мятежниковъ во флангъ, отъ конно-гвардейскаго манежа, пробился сквозь ихъ толпы и проскакавъ вдоль зданія сената, пристроился къ ротѣ его величества лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, поставленной, по приказанію государя, у исаіевскаго моста.

Теперь еще настоятельнѣе выказалась необходимость положить конецъ увеличившейся, отъ безуспѣшности кавалерійскихъ атакъ, дерзости мятежниковъ, грозившимъ общественному спокойствію столицы. Государь, внявъ убѣжденіямъ сопровождавшаго его на площади генераль-адъютанта графа Толля, послалъ за орудіями гвардейской пѣшей артиллеріи, а самъ поѣхалъ на адмиралтейскую площадь, принять окончательныя мѣры къ подавленію мятежа. Передъ зданіемъ главнаго штаба встрѣтилъ онъ толпу лейбъ-гренадеръ, которые, со знаменами, но безъ офицеровъ, подъ предводительствомъ одного только поручика Панова, послѣ неудавшагося покушенія овладѣть зимнимъ дворцомъ, направлялись на сенатскую площадь, на присоединеніе къ занимавшимъ ее бунтовщикамъ. Государь, не зная умысла увлеченныхъ въ обманъ лейбъ-гренадеровъ, съкомандовалъ имъ остановиться и выстроиться, на что они отвѣчали крикомъ: «мы за Константина!»—«Когда такъ, то вотъ ваша дорога!»—сказалъ государь и указавъ на сенатскую площадь, приказалъ окружавшимъ его войскамъ разступиться и пропустить лейбъ-гренадеровъ, которые, пробѣжавъ по сторонамъ лошади государя, достигли сенатской площади и присоединились къ занимавшимъ ее мятежникамъ.

Эта неожиданная встрѣча съ увлеченными злоумышленниками, ротами лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, должна была тяжело поразить сердце государя; но, вслѣдъ затѣмъ, оно было и порадовано доказательствомъ вѣрности и глубокой преданности. На дворцовой площади явился къ нему того же полка командиръ роты его величества капитанъ князь Мещерскій, успѣвшій остановить гренадерскій взводъ этой роты, когда онъ, съ другими ротами 1-го батальона, бѣжалъ изъ казармъ за Пановымъ и соединить его со стрѣлковымъ взводомъ, удержаннымъ дотога взводнымъ командиромъ, подпоручикомъ Тутолминнымъ; государь, въ знакъ своего довѣрія къ князю Мещерскому, за оказанныя имъ энергію и распорядительность,

спасшія ввѣренную ему роту отъ обольщенія, приказалъ ему отвести ее въ зимній дворецъ, на присоединеніе къ поставленному на дворѣ его лейбъ-гвардіи саперному батальону.

Наступила томительная тишина, предвѣстница бури и не слышно уже было выстрѣловъ со стороны сенатской площади... Остававшійся въ ружьѣ, послѣ внезапнаго и еще не вполне разясненнаго вторженія лейбъ-гренадеровъ, лейбъ-гвардіи саперный батальонъ ежеминутно ожидалъ приказанія выступить изъ дворца, для дѣйствій противъ мятежниковъ и нетерпѣливо желалъ доказать непредѣльную свою преданность государю, переживавшему тяжелыя для его сердца минуты и распоряжавшемуся съ такимъ хладнокровнымъ мужествомъ и самоотверженіемъ, усмиреніемъ мятежа, грозившаго, при волненіи умовъ въ народѣ, пагубными послѣдствіями. Въ дворцовыхъ залахъ оставалось много государственныхъ сановниковъ, придворныхъ кавалеровъ и дамъ, съѣхавшихся къ молебствію во дворецъ и ожидавшихъ, съ безповойствомъ, исхода возмущенія. Военные генералы, штабъ и оберъ-офицеры, кромѣ гвардейскихъ, возвратившихся къ своимъ частямъ, собравшіеся также во дворецъ, для присутствованія при торжественномъ молебствіи, отправлялись на адмиралтейскую и сенатскую площади, и нѣкоторые изъ нихъ, возвратясь оттуда, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго отсутствія во дворецъ, сообщали оставшимся въ немъ о видѣнномъ ими, такъ что въ послѣднемъ можно было слѣдить за всѣмъ происходившимъ на площадяхъ, что, естественно, въ высшей степени занимало и насъ, саперовъ. Капитанъ князь Междерскій и подпоручикъ Тутолминъ *), присоединившіеся къ нимъ, по приказанію государя, съ ротою его величества лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, сообщили намъ слѣдующія подробности о происшедшихъ въ послѣднемъ, въ тотъ день, безпорядкахъ.

Утромъ 14-го декабря, 2-й батальонъ этого полка и двѣ роты перваго (другія двѣ роты этого батальона занимали караулъ въ Петропавловской крѣпости, а 3-й батальонъ находился въ загородномъ расположеніи), присягнули въ совершенномъ порядкѣ, на казарменномъ дворѣ, въ присутствіи полкового ко-

*) Первый умеръ, въ 1847 году, свиты его императорскаго величества генераль-майоромъ; второй нынѣ генераль-лейтенантъ въ отставкѣ. В. Ф.

мандира полковника Стюрлера. Послѣ присяги люди отправились обѣдать, а большая часть офицеровъ поѣхала въ зимній дворецъ въ молебствію. Во время обѣда поручикъ Сутгофъ, командовавшій 1-ю фузелерною ротой, возмущилъ ее увѣреніями, что другіе гвардейскіе полки отказались отъ новой присяги и, пребывая вѣрными императору Константину Павловичу, собираются на сенатской площади, куда Сутгофъ приглашалъ роту, сейчасъ же, за нимъ слѣдовать. Увлеченные имъ солдаты, въ несчастіе, послушались своего ротнаго командира и выбѣжали за нимъ изъ казармъ, наскоро надѣвъ аммуницію и зарядивъ ружья. Бѣглецовъ догналъ, въ недалекомъ разстояніи отъ казармъ, полковой командиръ и сталъ убѣждать ихъ опомниться и возвратиться; но всѣ уговоры его остались тщетными, чрезъ противодѣйствіе ротнаго командира, за которымъ обманутая рота добѣжала до сенатской площади, чрезъ Васильевскій островъ. Полковникъ Стюрлеръ возвратился въ казармы, и чтобы удержать остальные роты своего полка отъ подобныхъ увлеченій, приказалъ имъ немедленно одѣваться и строиться передъ казармами. Въ то время, какъ это исполнялось, адъютантъ 2-го батальона поручикъ Пановъ, за отсутствіемъ почти всѣхъ офицеровъ полка, уѣхавшихъ во дворецъ, сталъ бѣгать по ротамъ и уговаривать одѣвавшихся солдатъ, не слушаться приказаній обманывавшаго ихъ полкового командира, а послѣдовать примѣру 1-й фузелерной роты и идти на сенатскую площадь, гдѣ собираются всѣ гвардейскіе полки, пребывшіе вѣрными императору Константину Павловичу, иначе имъ придется худо отъ государя и отъ ихъ товарищей. Солдаты недоумѣвали, кому и чему вѣрить; когда же они, исполняя приказаніе своего полкового командира, одѣвшись, стали выстраиваться на дворѣ, то Пановъ, воспользовавшись гуломъ ружейныхъ выстрѣловъ, доносившихся отъ сенатской площади, бросился въ средину колонны и новыми настойчивыми уговорами ему удалось наконецъ увлечь роты, со знаменами, послѣдовать за нимъ на сенатскую площадь, куда онъ, перейдя Неву, направился по Большой Миліонной улицѣ. Здѣсь, подходя къ зимнему дворцу, въ головѣ Панова родилась ужасная мысль овладѣть имъ. Для ея исполненія, онъ подбѣжалъ съ толпою увлеченныхъ имъ солдатъ къ главнымъ дворцовымъ воротамъ, входъ въ которыя былъ пре-

граждень взводомъ отъ главнаго дворцоваго караула. Находящійся при послѣднемъ с.-петербургскій комендантъ, генералъ Башуцкій, приказалъ ему разступиться и пропустить толпу на дворцовый дворъ. Послѣдовавшее затѣмъ уже извѣстно.

При этомъ естественно рождается вопросъ: за чѣмъ комендантъ приказалъ пропустить лейбъ-гренадеровъ? Нѣкоторые полагали, что онъ принялъ ихъ за отрядъ, присланный самимъ императоромъ на усиленіе защитниковъ зимняго дворца. Спрашивается, можно ли было признать посланною отъ государя безпорядочную толпу солдатъ, безъ старшихъ начальниковъ и даже младшихъ офицеровъ, кромѣ одного молодого подпоручика, бѣжавшаго въ ихъ главѣ съ обнаженною шпагою? Не вѣроподобнѣ ли приписать это распоряженіе вдохновенію долговременной опытности и присутствію духа стараго воина, который мгновенно сообразилъ, что присутствіе на дворцовомъ дворѣ гвардейскаго сапернаго батальона достаточно ручалось за безопасность зимняго дворца и что одинъ взводъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка не въ состояніи бы былъ удержать нападеніе четырехъ ротъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго, которыя, переколовъ, въ случаѣ сопротивленія, финляндцовъ, съ яростью бросились бы на саперовъ и что затѣмъ произошло бы еще большее напрасное кровопролитіе? Такъ или иначе, но всеблагій промыслъ Божій не допустилъ, чтобы дворъ русскихъ императоровъ обогрѣлся кровію ихъ тѣлохранителей. Не Провидѣніе ли также внушило государю, вслѣдъ за вторженіемъ лейбъ-гренадеровъ въ зимній дворецъ, когда они, ведомые своимъ отчаяннымъ вожакомъ, направлялись къ сенатской площади, свѣтлую мысль: пропустить ихъ туда и избѣгнувъ тѣмъ пролитія крови, дозволить всѣмъ бунтовщикамъ собраться въ одномъ мѣстѣ, дабы оруживъ ихъ тамъ, положить, однимъ разомъ, конецъ ихъ замысламъ. Между тѣмъ полковникъ Стюрлеръ, послѣдовавшій за возмущившеюся частію своего полка, продолжалъ тамъ уговаривать солдатъ возвратиться къ своему долгу. У самаго памятника Петра Великаго, отставной поручикъ Каховскій, тотъ самый, который ранилъ смертельно графа Милорадовича, выстрѣлилъ изъ пистолета въ Стюрлера и также смертельно его ранилъ. Несчастному командиру лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка нанесены были затѣмъ, однимъ офицеромъ изъ тол-

ны мятежниковъ, еще два удара саблею по головѣ и онъ за-
мертво отнесенъ былъ въ домъ князя Лобанова.

Въ зимній дворецъ все еще продолжали доходить слухи о
возрастающей дерзости мятежнаго скопища на сенатской пло-
щади, пока наконецъ, въ исходѣ четвертаго часа пополудни,
когда уже начинало смеркаться, послышались пушечные выстрѣ-
лы, продолжавшіеся съ четверть часа, послѣ чего опять все
смякло. Напряженныя ожиданія саперовъ достигли высшей
степени нетерпѣнія, когда, немного времени спустя, нѣсколько
военныхъ лицъ, возвратившихся съ театра безпорядковъ во дво-
рецъ, принесли извѣстіе, что послѣдніе окончательно превра-
щены и что сенатская площадь совершенно очищена отъ мятеж-
никовъ, которые, не выдержавъ дѣйствія картечнаго огня, раз-
бѣжались во всѣ стороны.

Послѣдній актъ кровавой драмы на Сенатской площади про-
исходилъ, по рассказамъ очевидцевъ, слѣдующимъ образомъ:

По приказанію государя, начальникъ артиллеріи гвардейскаго
корпуса, генераль Сухованетъ, поскакалъ въ казармы 1-й гвар-
дейской артиллерійской бригады и лично привелъ на сенатскую
площадь четыре орудія 1-й легкой роты подъ командою пору-
чика Бакунина *). За боевыми зарядами для первыхъ четы-
рехъ орудій посланъ былъ въ лабораторію гвардейской артил-
леріи поручикъ Булыгинъ, которому приказано было привезти
ихъ прямо на сенатскую площадь. Орудія, по приказанію самого
государя, возвратившагося отъ дворца, были поставлены поперегъ
адмиралтейской площади, противъ зданія сената, и сняты съ пе-
редковъ. Заряды еще не были привезены; но генераль Сухова-
нетъ, для острастки мятежниковъ, громко отдалъ приказаніе
зарядить орудія боевыми зарядами.

Мятежныя толпы, ободренныя безнаказанностью и присо-
единеніемъ къ нимъ лейбъ-гренадеровъ, становились все болѣе
дерзкими, участили стрѣльбу по ближайшимъ къ нимъ войскамъ
и пули начали летать даже около государя. Вдругъ лошадь его
дрогнула и бросилась въ сторону; онъ осадилъ ее и замѣтивъ,
что изъ густой толпы народа, наполнявшей сенатскую площадь,

*) Впослѣдствіи адъютантъ великаго князя Михаила Павловича. Умеръ,
въ чинѣ генераль-майора, въ 1841 году, отъ полученной имъ, въ экспедиціи
на Кавказѣ, ранъ. В. Ф.

нѣкоторые подозрительныя личности, прежде сего бросавшія въ войска изъ-за заборовъ, окружавшихъ строившійся Исакіевскій соборъ, поленья и каменья, стали перебѣгать въ ряды мятежниковъ, звонкимъ и грознымъ голосомъ прикрикнувъ на густую массу простонародья, его окружавшей. Она мгновенно отхлынула и очистила на площади мѣсто, на которомъ у выходовъ изъ ближайшихъ улицъ поставлены были кавалерійскіе пикеты.

Въ это время приведенъ былъ къ Синему мосту лейбъ-гвардіи измайловскій полкъ, котораго государь, еще съ малолѣтства, былъ шефомъ. Полкъ этотъ хотя и присягнулъ утромъ, но, во время принесенія имъ присяги, нѣсколько изъ его молодыхъ офицеровъ, желая видимо произвести безпорядки, стоя за фронтомъ, напоминали солдатамъ о присягѣ, принесенной ими прежде Константину Павловичу. Посланный за полкомъ адъютантъ государя, полковникъ Кавелинъ *), служившій прежде также въ лейбъ-гвардіи измайловскомъ полку, энергіею и распорядительностью своею предупредилъ всякое недоразумѣніе и повелъ полкъ изъ казармъ на сенатскую площадь. Императоръ, подѣхавъ къ полку, былъ привѣтствованъ имъ громкимъ крикомъ «ура!», приказалъ ему зарядить ружья и лично повелъ полкъ по Вознесенской улицѣ. Поставивъ его въ резервъ у дома князя Лобанова, государь объѣхалъ Исакіевскій соборъ, и остановился у отряда великаго князя Михаила Павловича, поставленнаго между соборомъ и конно-гвардейскимъ манежемъ. Щадя кровь мятежныхъ матросовъ гвардейскаго экипажа, онъ, на этотъ разъ, уступилъ повторенной просьбѣ брата своего и дозволилъ ему обратиться къ нимъ съ убѣжденіями, возвратиться въ долгу и покориться. Онъ остался безъ успѣха и его высочество едва не погибъ отъ руки убійцы. Одинъ изъ главнѣйшихъ заговорщиковъ, Вильгельмъ Кюхельбекеръ, воспитанникъ императорскаго царскосельскаго лицея, отставной гражданскій чиновникъ, подстрекавшій матросовъ къ упорному сопротивленію, приложился изъ пистолета въ великаго князя, который былъ спасенъ только единовременнымъ быстрымъ дви-

*) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ.

женіемъ ружей трехъ матросовъ *), которые выбили ими пистолеть изъ рукъ убійцы.

Когда это происходило, подошли и остальные, пребывшія вѣрными, гвардейскія части. Лейбъ-гвардіи егерскій полкъ былъ поставленъ въ резервъ, на адмиралтейской площади, за линію артиллеріи, а три роты лейбъ-гвардіи павловскаго (остальные пять были въ караулѣ), въ Галерной улицѣ. 1-й батальонъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка (2-й стоялъ въ караулѣ), получивъ приказаніе идти на сенатскую площадь, бѣгомъ достигнулъ Исакиевскаго моста. Въ это время послышались съ площади ружейные выстрѣлы; неизвѣстно по чьей командѣ «стой!», батальонъ остановился и въ немъ произошло нѣкоторое волненіе. Передній карабинерный взводъ, по убѣжденію капитана Вяткина **), однакожь тронулся впередъ и, перейдя мостъ, сталъ лицомъ къ памятнику, но стрѣлковый взводъ той же роты, слѣдовавшій за карабинернымъ, упорно оставался на мѣстѣ и никакія убѣжденія не могли его склонить идти впередъ. 1-я и 2-я егерскія роты, слѣдовавшія за карабинерною и остановленныя на мосту стрѣлковымъ взводомъ, также отказывались идти впередъ; но 3-я егерская, остановленная бригаднымъ командиромъ, генераломъ Головинымъ, на набережной Васильевскаго острова, для охраненія спуска на р. Невѣ, перешла рѣку, по его же приказанію, по льду и присоединилась на площади въ карабинерному взводу. Распоряженіе государя, несмотря на замѣшательство, происшедшее при слѣдованіи батальона лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, было однакожь вполне выполнено. Рота его величества лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, 1^{1/2} роты финляндскаго и лейбъ-гвардіи конно-піонерный эскадронъ, возбраняли мятежникамъ переходъ черезъ Исакиевскій мостъ, а остававшіяся на немъ 2^{1/2} роты финляндцевъ служили этому отряду резервомъ ***).

*) Это ошибка, хотя и основана на официальномъ извѣстіи: дѣйствительнымъ спасителемъ великаго князя былъ мичманъ Петръ Александровичъ Бестужевъ — бывшій въ числѣ лицъ, дѣйствовавшихъ въ рядахъ заговорщиковъ.

Ред.

***) Нынѣ генералъ отъ инфантеріи, числится въ запасныхъ войскахъ.

В. Ф.

***)) Впослѣдствіи открылось, что безпорядокъ въ карабинерной ротѣ произошолъ оттого, что рота, смѣнившись утромъ того же дня съ караула,

Такимъ образомъ мятежники, занимавшіе сенатскую площадь, но еще ничего рѣшительнаго не предпринимавшіе, были окружены со всѣхъ сторонъ войсками, оставшимися вѣрными императору Николаю.

Государь хотѣлъ еще испытать надъ мятежниками вліяніе религіи и послалъ генераль-майора Стрекалова *), въ зимній дворецъ, пригласить приѣхавшаго туда утромъ, для служенія торжественнаго молебствія, с.-петербургскаго и новгородскаго митрополита Серафима, прибыть на сенатскую площадь, для духовнаго увѣщанія мятежниковъ. Преосвященный немедленно прибылъ въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи кіевскаго митрополита Евгенія и двухъ иподіаконовъ. Толпы народа окружили митрополитовъ, при выходѣ ихъ изъ кареты, у угла адмиралтейской площади и неотступно умоляли ихъ не ходить на явную смерть къ мятежникамъ, поразившихъ прежде графа Милорадовича, а теперь, почти въ глазахъ митрополитовъ, и полковника Стюрлера. Эти мольбы не могли остановить преосвященнаго; приложившись къ кресту и исполняя волю государя, убѣленный сѣдинами мастистый архипастырь, съ полнымъ самоотверженіемъ приблизился съ спутниками своими къ мятежнымъ скопищамъ. Солдаты, при видѣ его, смутились, набожно крестились и нѣкоторые изъ нихъ стали подходить къ кресту; но когда преосвященный сталъ увѣщевать и вразумлять ихъ, представляя имъ всю преступность ихъ дѣйствій и ожидающую ихъ кару Божію, вожди возмущенія начали кричать, что законный ихъ государь Константинъ, а между тѣмъ онъ содержится въ оковахъ; что имъ не надо попа; грозили стрѣлять по немъ и наконецъ, чтобы заглушить его рѣчь, приказали бить въ барабаны. Митрополитъ Серафимъ, убѣдясь въ бесполезности дальнѣйшихъ съ его стороны уговоровъ, удалился къ Исакиевскому собору, и затѣмъ, съ своими сподвижниками, возвратился въ зимній дворецъ.

не была приведена къ присягѣ до выступленія 1-го батальона изъ казармъ; этимъ обстоятельствомъ воспользовался поручикъ баронъ Розенъ, командиръ стрѣльцоваго взвода, бывшій въ числѣ заговорщиковъ, чтобы остановить его на мосту. В. Ф.

*) Впослѣдствіи генераль-адъютантъ, генераль отъ инфантеріи, казанскій военный губернаторъ. В. Ф.

Между тѣмъ все болѣе и болѣе смеркалось и возникло опасеніе, чтобы, съ наступленіемъ темноты, не произошли болѣе важныя беспорядки, чрезъ присоединеніе къ мятежникамъ народа. Государь надѣялся, стѣснивъ еще болѣе мятежное скопище, заставить его сдаться безъ кровопролитія; но скоро убѣдился, что этого не достигнетъ. Когда онъ опять выѣхалъ на сенатскую площадь, для дальнѣйшихъ распоряженій, былъ сдѣланъ по немъ залпъ. Тогда генераль-адъютантъ Толль, первый, а за нимъ и генераль-адъютантъ князь Васильчиковъ, стали убѣдительно просить государя, не теряя болѣе времени, призвать дѣйствовать по толпѣ изъ орудій.

Государь уступилъ явной необходимости спасти государство отъ большихъ несчастій. Мгновенно были сдѣланы слѣдующія распоряженія.

Изъ четырехъ орудій, привезенныхъ на адмиралтейскую площадь, три, подъ командою поручика Бакунина, были поставлены противъ бунтовщиковъ, передъ лейбъ-гвардіи преображенскимъ полкомъ, и сняты съ передковъ; четвертое же, съ однимъ фейерверкеромъ, отослано въ отрядъ великаго князя Михаила Павловича. Орудія приказано было зарядить картечью. Лейбъ-гвардіи конный полкъ былъ отодвинуть вправо; конно-піонерный эскадронъ на Англійскую набережную.

Послѣдняя надежда, что движеніе и приготовленіе къ дѣйствию артиллеріи образумитъ бунтовщиковъ, не оправдалась, и когда государь, ставъ на лѣвомъ флангѣ орудій, послалъ генерала Сухозанета объявить имъ помилованіе, если они, тотчасъ же, покорятся и положить оружіе, царскій посланный былъ окруженъ толпою бунтовщиковъ военнаго и гражданскаго званія, съ бранью и угрозами спрашивавшихъ его: «привезъ ли онъ имъ конституцію?» Когда генераль, быстро повернувъ своего коня, проскочилъ назадъ съвозъ толпу, данъ былъ по немъ залпъ изъ ружей, ранившій нѣсколько людей. за батареей и на бульварѣ.

Настала рѣшительная минута; государь самъ командовалъ: «пальба орудіями, правый флангъ начинай!» но, вслѣдъ затѣмъ, уступая сердечному порыву милосердія, командовалъ: «отставь!» Это повторилось еще разъ. Въ третій, исполнительная команда «пли» была произнесена самимъ поручикомъ Бакуни-

нымъ, соскочившимъ съ лошади, когда онъ замѣтилъ, что артиллеристъ съ пальникомъ замаялся. Грянулъ первый выстрѣлъ, за нимъ послѣдовало еще два. Первый цѣликомъ попалъ въ зданіе сената, не задѣвъ бунтовщиковъ, которые, съ громкими криками, открыли бѣглый огонь. Послѣдующіе два выстрѣла попали въ густую толпу и мгновенно ее разстроили. Часть ея стремительно бросилась на батальоны лейбъ-гвардіи семеновскаго полка, но была встрѣчена, по приказанію великаго князя Михаила Павловича, послѣ нѣкотораго колебанія, картечью изъ находившагося въ его отрядѣ орудія. Мятежные солдаты рассыпались по всѣмъ направленіямъ; одни, по большей части матросы гвардейскаго экипажа, побѣжали по Галерной улицѣ, къ своимъ казармамъ; другіе вдоль англійской набережной и наконецъ остальные, по большей части лейбъ-москвиты и лейбъ-гренадеры, побѣжали по льду р. Невы. Многіе изъ нихъ попрятались по дворамъ и подваламъ ближайшихъ къ площади домовъ и въ самомъ зданіи сената. На площади лежали только трупы, раненные солдаты и люди изъ черни, число которыхъ впрочемъ было незначительно, такъ какъ картечь дѣйствовала на очень близкомъ разстояніи и потому большая часть пулъ разсыпалась вверхъ, оставивъ въ зданіи сената и сосѣднихъ съ нимъ домахъ, слѣды своего присутствія.

По приказанію государя, орудія, послѣ произведенныхъ изъ нихъ выстрѣловъ, были подвинуты къ памятнику Петра Великаго и сдѣлали изъ нихъ еще два выстрѣла по бѣглецамъ, собиравшимся въ кучки на льду, покрывавшемъ Неву.

По очищеніи сенатской площади, она была занята лейбъ-гвардіи преображенскимъ и измайловскимъ полками, а отъ семеновскаго бѣли посланы взводы для отысканія и задержанія мятежниковъ, укрывшихся въ домахъ. Преслѣдованіе и захватъ разбѣжавшихся, по разнымъ направленіямъ, мятежниковъ, былъ возложенъ на конно-піонеровъ. Изъ нижнихъ чиновъ, занимавшихъ сенатскую площадь, большая часть возвратились въ свои казармы и такъ съ страхомъ и покорностью ожидали рѣшенія своей участи. На пути бѣгства, конно-піонерами и пѣхотинцами было захвачено до 500 человекъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ.

Государь, оставаясь затѣмъ еще нѣсколько времени вер-

хомъ на площади, отдавалъ лично приказанія, относившіяся до собранныхъ на ней войскъ. Онѣ были оставлены подъ ружьемъ на всю ночь, для предупрежденія всякаго могущаго произойти покушенія на возобновеніе уличныхъ бѣзпорядковъ, и лично разставлены государемъ на площадяхъ: сенатской и адмиралтейской, около зимняго дворца, по набережной Невы и въ Большой Милліонной. Лейбъ-гвардіи саперный батальонъ и рота его величества лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка были оставлены на дворѣ зимняго дворца, для его охраненія, въ продолженіи паступавшей ночи, въ подкрѣпленіе карауловъ отъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка.

Распорядившись всѣми мѣрами предосторожности, императоръ возвратился въ зимній дворецъ, сопровождаемый толпами народа, оглашавшими воздухъ радостными криками «ура!» Государь поблагодаривъ его за изъявленія преданности; сошелъ съ коня у главныхъ воротъ и войдя на дворъ, привѣтствовалъ лейбъ-гвардіи саперный батальонъ словами: «здорово, мои саперы». Затѣмъ, въ краткихъ словахъ, рассказавъ имъ ходъ несчастныхъ событій этого дня, государь удостоилъ благодарить саперъ за ихъ вѣрность и усердіе, которыя обѣщаль никогда не забыть.

«Если я видѣлъ сегодня измѣнниковъ, сказалъ государь, то, съ другой стороны, видѣлъ также много преданности и самоотверженія, которыя останутся для меня навсегда памятными».

Радостно привѣтствовали государя саперы громкими криками «ура!».

Государь, послѣ милостивыхъ словъ, сказанныхъ имъ саперамъ, поспѣшилъ во дворецъ, гдѣ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала его возвращенія его семья, вынесшая, въ продолженіи рокового дня 14 декабря, столько душевныхъ потрясеній, сердечныхъ безпокойствъ и опасеній за своего августѣйшую главу. Залы зимняго дворца были ярко освѣщены и въ нихъ еще толпилась большая часть государственныхъ сановниковъ, высшаго духовенства, придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ и дамъ, съѣхавшихся во дворецъ для присутствованія при молебствіи, которое было совершено только въ 6-ть часовъ вечера, съ обыкновенною при такихъ случаяхъ торжественностью. До начала его, государь, желая изъявить саперамъ новое доказа-

*

тельство своего къ нимъ милостиваго вниманія и расположе-
 нія, вышелъ изъ дворца къ стоявшему на дворѣ батальону. За
 нимъ камердинеръ вдовствующей императрицы Маріи Федоровны,
 Гриммъ, вынесъ Наслѣдника престола, семилѣтняго великаго
 князя Александра Николаевича, одѣтаго въ парадной формѣ
 лейбъ-гвардіи гусарскаго полка.—Государь взялъ первенца сво-
 его на руки, вызвалъ передъ батальонъ рядовыхъ, имѣвшихъ
 знакъ отличія военнаго ордена и осчастливилъ ихъ дозволені-
 емъ поцѣловать его. Приказавъ затѣмъ отнести Наслѣдника об-
 ратно во дворецъ, государь, обратившись къ саперамъ, сказалъ:

«Я желаю, чтобы вы также любили моего сына, какъ я
 самъ люблю васъ».

Саперы восторженно бросились цѣловать руки, ноги и платье
 царственнаго младенца *).

Морозъ, къ вечеру, усилился. На дворцовомъ дворѣ развели
 костры.

Дворцовая, адмиралтейская и сенатская площади представ-
 ляли видъ только-что завоеваннаго города: на нихъ также пы-
 лали костры, около которыхъ гвардейскіе солдаты отогрѣвались
 и ѣли принесенную имъ изъ казармъ пищу. По окраинамъ
 этихъ площадей протянуты были цѣпи застрѣльщиковъ, никого
 постороннихъ, безъ особеннаго разрѣшенія коменданта, не про-
 пускавшихъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на углахъ выходящихъ
 на площади улицъ, стояли караулы и при нихъ заряженные
 орудія. По всѣмъ направленіямъ площадей и смежнымъ ули-
 цамъ ходили пѣхотные и разѣзжали конные патрули, и эти
 мѣры предосторожности военнаго времени продолжались всю ночь.

Къ 9-ти часамъ вечера потребованъ былъ отъ лейбъ-гвар-
 діи сапернаго батальона, къ дверямъ кабинета государя импе-
 ратора, карауль, при поручикѣ Аделунгѣ, а въ нѣкоторыхъ
 дворцовыхъ залахъ поставлены были пикеты, также при офи-
 церахъ. Недолжностные офицеры оставались при батальонѣ и
 находились на главной гауптвахтѣ, куда, въ продолженіи всей
 ночи, не переставали приводить арестованныхъ заговорщиковъ,
 какъ военнаго, такъ и гражданскаго званія, которыхъ, по бѣль-
 шей части, тотчасъ же послѣ привезенія водили прямо въ ка-

*) Весь этотъ эпизодъ дословно разсказанъ въ «Исторіи л.-г. сапернаго
 баталіона» соч. А. Волкенштейна. Спб. 1852 г.

бинетъ государя, лично ихъ опрашивавшаго, послѣ чего ихъ отвозили въ Петропавловскую крѣпость. Первый изъ привезенныхъ былъ лейбъ-гвардіи московскаго полка штабсъ-капитанъ князь Щепинъ-Ростовскій, ранившій, на полковомъ дворѣ сабельными ударами по головѣ, генераловъ: Шеншина и барона Фредерикса, полковника Хвоцинскаго, знаменнаго и еще другого унтеръ-офицера, не отдававшихъ ему знамени, и вмѣстѣ съ того же полка штабсъ-капитаномъ Михаиломъ Бестужевымъ, увлекшій на сенатскую площадь часть лейбъ-гвардіи московскаго полка. Этихъ офицеровъ можно, по справедливости, признать главнѣйшими виновниками кровавыхъ событій, совершившихся на площади; ибо занявшія ее роты лейбъ-гвардіи московскаго полка послужили ядромъ мятежныхъ скопищъ и заговорщиковъ, стекавшихся туда со всѣхъ концовъ города. Послѣ князя Щепина, былъ привезенъ на главную гауптвахту лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка поручикъ Сутговъ, первый увлекшій командуемую имъ роту на сенатскую площадь и облегчившій чрезъ это успѣхъ усилій поручика Панова, взбунтовать нѣсколько ротъ того же полка, съ которыми онъ едва не произвелъ величайшихъ бѣдствій. Послѣ этихъ двухъ—наиболѣе виновныхъ въ несчастныхъ происшествіяхъ 14 декабря лицъ—были привезены еще слѣдующія: генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Корниловичъ, издатель историческаго сборника «Русская Старина»; бывшій Ставропольскій вице-губернаторъ, статскій совѣтникъ Граббе-Горскій, котораго видѣли на сенатской площади, въ средѣ мятежниковъ, заряжавшаго пистолеты, такъ какъ онъ самъ не могъ стрѣлять изъ нихъ, по причинѣ прострѣленной на войнѣ руки, и нижегородскаго драгунскаго полка штабсъ-капитанъ Якубовичъ. Послѣдній былъ высокаго роста, худощавый, среднихъ лѣтъ, человекъ съ блѣднымъ лицомъ, огромными черными усами и повязкою на головѣ, по причинѣ полученной имъ, въ экспедиціи противъ кавказскихъ горцевъ, раны. Про него говорили, что, принадлежа къ числу главнѣйшихъ заговорщиковъ, онъ, въ то время, какъ государь, съ ротою его величества лейбъ-гвардіи преобразенскаго полка, слѣдовалъ на сенатскую площадь, подходилъ къ нему, у угла Невскаго проспекта, изъявлялъ государю свою преданность, однакожъ не исполнилъ порученія его, идти къ мя-

тежникамъ уговорить ихъ возвратиться къ долгу. Всѣхъ этихъ лицъ мнѣ привелось видѣть, когда ихъ привозили на главную гауптвахту. Многихъ другихъ я не видалъ, отправлявшись, нѣсколько разъ въ продолженіи ночи, на пикеты и обходя рундомъ усиленные посты, поставленные вокругъ зданія зимняго дворца. Послѣдніе арестанты, привезенные рано утромъ слѣдующаго дня, были: полковникъ князь Трубецкой, дежурный штабъ-офицеръ 4-го пѣхотнаго корпуса и гвардіи капитанъ князь Оболенскій, адъютантъ командующаго пѣхотою гвардейскаго корпуса генераль-адъютанта Бистрома. Князь Трубецкой, женатый на дочери графини Лаваль, стоялъ, какъ утверждали, въ главѣ заговора и долженъ былъ руководить восстаніемъ. Въмѣсто того, онъ уклонялся дѣйствовать открыто, и когда мятежное скопище было разсѣяно, удалился въ домъ своего, австрійскаго посланника барона Лебцельтерна, откуда былъ истребованъ чрезъ министра иностранныхъ дѣлъ графа Нессельроде. Онъ казался очень разстроеннымъ и блѣдное, грузинскаго типа лицо его выражало глубокой упадокъ духа. Князь Оболенскій, бѣлокурый, съ живыми голубыми глазами, показывалъ болѣе спокойствія и твердости духа, и послѣ получасового пребыванія на гауптвахтѣ былъ отведенъ послѣднимъ къ государю, присланнымъ за нимъ флигель-адъютантомъ полковникомъ Перовскимъ.

Ночью приходилъ на главную гауптвахту великій князь Михаилъ Павловичъ. Онъ былъ очень грустенъ и озабоченъ и съ глубокимъ огорченіемъ объявилъ, что графъ Милорадовичъ скончался въ конно-гвардейскихъ казармахъ, куда былъ отнесенъ послѣ полученной имъ на площади раны. Когда вынули изъ нея pistolетную пулю, графъ, посмотрѣвъ на нее, сказалъ, что радуется тому, что умираетъ не отъ солдатской пули. Утромъ стало извѣстно, что и командиръ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка полковникъ Стюрлеръ скончался отъ тяжелыхъ ранъ своихъ, въ домѣ князя Лобанова, куда былъ перенесенъ съ сенатской площади.

15 декабря, въ двѣнадцатомъ часу утра, государь императоръ, въ мундирѣ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, сошелъ съ крыльца главной гауптвахты, подошелъ къ лейбъ-гвардіи саперному батальону, выстроенному въ густой взводной колоннѣ

справа, на большомъ дворцовомъ дворѣ. Поздоровавшись съ саперами, государь еще разъ удостоилъ благодарить ихъ за преданность и усердіе, оказанныя ими наканунѣ и, взявъ за руку сопровождавшаго его великаго князя Михаила Павловича, представилъ его саперамъ, какъ преемника своего въ званіи генералъ-инспектора по инженерной части, прибавивъ: «что онъ увѣренъ, что они брата его будутъ также любить, какъ любили его». Затѣмъ государь объявилъ намъ, что онъ оставляетъ за собою званіе шефа батальона, съ чувствомъ поцѣловалъ командира батальона, полковника Геруа и поздравилъ флигель-адъютантомъ своимъ младшаго штабъ-офицера батальона, полковника Белля.

Вышедъ за главныя дворцовыя ворота, государь сѣлъ на коня и произвелъ смотръ всѣмъ частямъ гвардейскаго корпуса, занимавшимъ на канунѣ и утромъ этого дня дворцовую, адмиралтейскую и сенатскую площади. Войска эти, по проходѣ церемониальнымъ маршемъ мимо государя, возвратились въ свои казармы, а также и лейбъ-гвардіи саперный батальонъ, по сдачѣ карауловъ въ зимнемъ дворцѣ 1-му батальону лейбъ-гвардіи преображенскаго полка.

В. И. Фелькнеръ.

ОТЧЕТЫ ЛАГАРПА ГР. Н. И. САЛТЫКОВУ О ВОСПИТАНІИ В. К. АЛЕКСАНДРА И КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧЕЙ.

декабрь 1790 г. *).

(Переводъ.) Честь имѣю представить в. п. настоящую записку, содержащую, во 1-хъ, краткое изложеніе пройденнаго и. и. в. со мной, и во 2-хъ, краткое обзорѣніе того, что еще остается пройти.

Часть I. Пройденное ихъ и. и. в. со мной относится къ слѣдующимъ пунктамъ: въ изученію французскаго языка, географіи, исторіи и математики.

Изученіе французскаго языка. Оно заключаетъ въ себѣ чтеніе, правописаніе и сочиненіе. Для того, чтобы приучить ихъ и. и. в. къ правильному произношенію, ихъ часто заставляли читать вслухъ,

* См. «Русск. Стар.» 1870 г. т. I стр. 34—44; 103—132 и 407—419.